

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ДИАЛОГИ

В рубрике «Научно-философские диалоги» журнал публикует фрагменты стенограмм научных конференций, симпозиумов, дискуссий, отрывки из книг и статей, другие материалы, в которых излагаются не совпадающие точки зрения крупных исследователей по актуальным проблемам гуманитарного знания, различные интерпретации тех или иных общественных событий и научных идей, гипотез, теорий. Рубрику открывает диалог двух видных российских философов профессоров А. А. Зиновьева и В. М. Межуева, который имел место на заседаниях Русского интеллектуального клуба, посвященных проблемам войны и мира в конце XX и начале XXI века (март 2003 г.) проблемам высшего образования (июнь 2003 г.), и Научной конференции «Высшее образование для XXI века» (апрель 2004 г.). Эти выступления раскрывают разные аспекты философии и социологии образования.

А. А. ЗИНОВЬЕВ & В. М. МЕЖУЕВ

Диалог об образовании

Из выступлений
на заседаниях
Русского интеллектуального
клуба и научной конференции
в МосГУ

Девятое заседание Русского интеллектуального клуба (26 марта 2003 г.) было посвящено теме «Третья империалистическая война». Обсуждались проблемы войны и мира в конце XX и начале XXI века. В ходе обсуждения участники, и среди них В. М. Межуев и А. А. Зиновьев, немало внимания уделили вопросам образования.

В. М. Межуев:

Прежде всего хочу сказать, что я не политолог, не историк. В качестве рядового политологически необученного я присоединяюсь ко всем негативным оценкам американской агрессивной политики вообще и в современном конфликте в частности. Вполне разделяю чувства многих людей, которые негодуют, возмущаются и т. д. Но по чисто философской привычке эта проблема интересна

для меня не только своими возможными последствиями, но и в каком-то глобальном историческом и именно цивилизационном контексте. Я понимаю, что сегодня в мире управляют всякие субъекты: государственные, правовые, международные. Все-таки цивилизации имеют логику своего развития, существования. Они приходят, уходят, и с ними вообще что-то происходит часто вопреки всяким пожеланиям, желаниям и пр.

Начну с вопроса, который хочу задать всем присутствующим. Пусть каждый себе ответит на него, может, тогда можно найти отправную точку. Представьте себе, что с завтрашнего дня западная цивилизация исчезает с лица Земли. Уходит цивилизация, как очень многие цивилизации, погружаясь в историческое небытие, как ушла когда-то Византия. Если себе это представить: исчезает

для меня не только своими возможными последствиями, но и в каком-то глобальном историческом и именно цивилизационном контексте. Я понимаю, что сегодня в мире управляют всякие субъекты: государственные, правовые, международные. Все-таки цивилизации имеют логику своего развития, существования. Они приходят, уходят, и с ними вообще что-то происходит часто вопреки всяким пожеланиям, желаниям и пр.

не просто какая-то страна, а цивилизация со всеми своими ценностями, нормами. Кто бы из вас согласился жить в том мире? Думаю, пяти дней не прожили бы. Если поехать по миру, вы бы поняли, что вы очень европейский человек и вся ваша культура, и образование, и ум воспитаны там. Это очень важно понять. Я думаю, что в какой-то степени то, что сегодня происходит, — это ощущение закатной части истории западноевропейской, более широко западной истории. Я вижу проблему не в том, чтобы спасти Восток от Америки. Для меня не так эта проблема стоит, чтобы спасти Ирак или еще кого-то от американского владычества. Для меня проблема сегодня в том, чтобы спасти Запад от Америки.

Я эту проблему понимаю так. Когда Германия начала Вторую мировую войну (она начала две войны), ее поражение не означало крушение Запада. Страна проиграла, пережила фашизм и т. д. Но поражение любой другой европейской страны (ну уйдет в никуда Франция, Англия, Испания) не будет означать сегодня конца Запада. А поражение Америки — будет означать. Поэтому проблему спасти Запад от Америки я бы поставил так: спасти Америку от Америки.

Почему я считаю, что то, что переживает Запад, — это какая-то его заключительная стадия, завершающая стадия? Это было предсказано. Это видно на примере многих цивилизаций. Та же римская цивилизация (а история Европы, история Запада — это, конечно, продолжение истории Рима). Рим, кстати, погиб не от варваров. Нашествие варваров было следствием. Рим погиб от язычества, на мой взгляд, от собственного варварства. Рим победило христианство, а не варвары. В какой-то степени именно они смогли транслировать ценности Римской империи дальше.

Я не буду описывать политику Америки. Я абсолютно согласен с теми оценками, которые здесь давали. Мне важно понять, что же это такое. Я понимаю, что республиканская партия, какая-то группа людей добралась к власти, определяет сегодня политику, не считаясь с мировым общественным мнени-

ем. В действительности это следствие каких-то более глубоких проблем, процессов, которые происходят в составе западноевропейской, западноамериканской цивилизации. Идет какое-то новое варварство. В философской, социологической литературе об этом много писалось начиная с XIX века. Предсказывали конец, предсказывали победу какой-то мертвой, бездушной, обезличенной цивилизации, очень империалистической (я с этим термином даже соглашусь), очень воинственной, очень brutальной в основе своей. Как ни странно, могущество механическое, могущество техническое есть показатель слабости, а не силы. Слабости духовной, слабости ценностной. Когда накачиваются огромные мускулы — истощаются мозги. Это показатель слабости цивилизации. Она может закидать бомбами полмира, но это совсем не свидетельство того, что она сильна. Повышенная воинственность (как у Германии) никогда не была признаком подлинной цивилизационной устойчивости и выживаемости. Как правило, нет.

Какова здесь должна быть стратегия поведения? Мне кажется, эта политика у нас проводится разумно. Как выстраивать отношения? Я не вижу сегодня возможности противостоять американскому натиску чисто военными и экономическими средствами. Я даже не буду говорить о том, что военная мощь Америки — это прямое следствие ее экономической мощности. А экономическая мощь построена на определенных принципах экономического хозяйствования, которые, на мой взгляд, сами изживают себя. В конечном счете стало ясно, что тут нет ничего, кроме роста силы. Не роста благосостояния народа, свободного развития, роста культуры — этот экономический рост не приводит к этому. Он приводит к наращиванию огромной военной мощи, которая сама по себе еще не является свидетельством духовного, нравственного или исторического здоровья.

Что же противопоставить? В ситуации всеобщей опасности надо вооружаться. Хотя, спрашивается, откуда взять деньги на во-

оружие? Не знаю. Может быть, для этого надо что-то сэкономить, чтобы деньги нашлись, но это не главный выход. Ответить силой на силу, наверное, можно. Но я не вижу в этом решения исторической проблемы. Надо найти альтернативу идейную, моральную, духовную и привлекательную не только для русских, но и для любого европейца, потому что мы видим, кто прогибается перед Америкой. Перед Америкой прогибаются, прежде всего, правительства, но не народы, не большая часть европейских людей. Найти для них привлекательную программу. Я повторяю, Рим победило христианство. Он от язычества погиб.

Найти альтернативу! И я думаю, что сегодня выиграет тот в глобальном мире, кто возьмет для себя защиту традиционных ценностей европейской западной цивилизации. Прежде всего, ценностей правовых, от которых отказываются, где много силы, и ценностей моральных. Это прежде всего. Тот, кто может предложить такую защиту, тот и выживет. Тот, кто пойдет по пути ответа на силу силой, я не очень уверен, что сможет противостоять. Победить сегодня можно внутри этого мира, а не извне его. Найти ему другую альтернативу в этом мире.

Самой роковой для нас была ошибка, когда мы отказались от социалистической альтернативы. Вот тут начался проигрыш. Ее, эту альтернативу, надо было переосмыслить, каким-то образом осовременить, если хотите. Сегодня мы проигрываем не потому, что у нас нет армии, равной американской. У нас нет другой идеи. Идеи, которая была бы столь же привлекательна не для африканца, может быть, а для того европейского мира, который, конечно, нам надо сохранить. Может быть, Россия вкуче с какими-то другими странами, народами Европы и должна взять на себя миссию защиты западной цивилизации оттого, что ее сегодня умертвляют и убивают. Вот моя точка зрения. Спасибо.

А. А. Зиновьев (заключительное слово):

Позвольте мне сказать в заключение пару слов. Я нахожу то, что здесь сейчас говори-

лось, в высшей степени интересным. Честно говоря, я не ожидал, что так получится. Я ставлю проблему не так: что нужно делать, чтобы спасти мир и т. д. Это все очевидно. Я ставлю проблему так: что можем сделать мы, участники сегодняшнего заседания клуба, чтобы внести свой вклад в дело, в котором мы все едины. Я не вижу никаких серьезных расхождений между тем, что говорилось. Все говорили, все били в одну точку, но с различных сторон. Я думаю, что надо приложить усилия, чтобы напечатать это как можно быстрее. Надо приложить усилия, чтобы распространить как можно шире то, что мы здесь говорили. Это и есть дело.

Я полностью согласен с тем, что говорил В. М. Межуев. Действительно то, что мы можем сделать, — это наши мозги, наше соображение. В этом и состоит наше профессиональное дело, на то мы и интеллектуалы, чтобы думать. Нельзя недооценивать интеллектуальный фактор. Я вообще считаю, что главным оружием у нас, у России, у русских, осталось интеллектуальное преимущество перед нашим противником. Интеллектуальный уровень, интеллектуальный потенциал нашего противника очень невысокий. Юрий Иванович [Журавлев] здесь говорил, что там используются лучшие умы нации. Я тоже выступал в 20 лучших университетах США много раз. Должен сказать, что на мои лекции ходили студенты старших курсов, молодые аспиранты, преподаватели. Не было ни одного американца. Я имею в виду не коренного американца, а белых. Были корейцы, китайцы, японцы, индусы, меньше было людей из Западной Европы.

Я проводил исследования в Институте социологии в Чикаго, тогда еще был жив Алан Блум. Я только идеи подавал, а исследования делали они сами. Итог такой: если на один год Америка замкнется, прекратится приток интеллекта со стороны — там наступит полная катастрофа.

В дополнение к тому, что вы говорили об образовании. Когда я работал в США, вышла книга ректора Гарвардского университета «Выживет ли Америка?» по американ-

ской системе образования. Там прямо говорилось, что если не будет изменена система образования и если она не будет реформирована по советским образцам, то Америка погибнет. Алан Блум тогда выпустил книгу об американском образовании с такими же выводами. Я видел своими глазами это образование. Сейчас если уж реализовывать наш интеллектуальный потенциал, то действительно надо начинать буквально с нуля, с самых основ, с системы образования. И отставивать ее нужно буквально так, как мы отставивали нашу страну, кидаясь на амбразуру, потому что бьют в самое главное. Бьют в наш интеллект. Еще немного — и его разрушат. Тогда Россия никогда не поднимется.

Десятое заседание Русского интеллектуального клуба (23 июня 2003 г.) было непосредственно посвящено проблемам высшего образования и той «образовательной революции» (концепция ее была на заседании представлена ее автором И. М. Ильинским), которая назрела и в России, и в мире в целом. В обсуждении темы вновь звучали голоса В. М. Межуева и А. А. Зиновьева. Предоставим им слово.

В. М. Межуев:

Прежде всего хочу сказать, что я согласен с термином «революция» применительно к современному образованию. Если правильно понимать смысл этого термина, он мне даже больше нравится, чем термин образовательная реформа. Он, мне кажется, больше передает суть того, что мы от образования не хотим, но что реально в нем происходит. Может быть, сейчас еще не революция, однако очевидно, что в образовании сложилась революционная ситуация. Мы же не боимся термина «научно-техническая революция». Я бы поставил обсуждаемый термин рядом с другим термином, который сегодня не очень популярен, но, на мой взгляд, мог бы стать одним из самых больших прозрений истории XX века, — с термином «культурная революция».

Культурная революция была направлена, прежде всего, на преодоление каких-то образовательных процессов в России, негативных процессов. Только очень важно понимать, что, когда мы говорим слово «революция», речь идет не только о революции в образовании (это тоже очень важная вещь), но и о том, что сегодня образование становится главным фактором революционирующегося общества. Для того чтобы изменить современное общество, не надо строить баррикады и силой захватывать власть. Сегодня само образование становится фактором революции. Пальма первенства в плане революции принадлежит обществу переходит именно к образовательной сфере.

В чем заключается эта революция? Как рассматривать образование? Какова должна быть социальная политика по отношению к образованию? Я хочу напомнить простую вещь. Главным социальным противоречием, наряду с классовыми, межнациональными, социальными и прочими экономическими противоречиями, одним из самых главных противоречий, которые мучают человечество на том протяжении истории, когда появилась письменность, является противоречие между образованными и необразованными. Оно восходит еще к древним восточным обществам. Противоречие между ученым сословием и неученым. В XIX веке противоречие между тем, что мы называем интеллигенцией, и народом. Народ практически безграмотен. Интеллигенция — носитель письменной культуры.

Это противоречие между образованным и необразованным в какой-то степени есть основа всех главных противоречий. Маркс был прав, когда говорил, что противоречие между умственным и физическим трудом как бы резюмирует все остальные противоречия, все остальное разделение труда. Мне кажется, что, если говорить о революции в образовании и о революционной роли самого образования, это значит иметь в виду, что то общество будет прогрессировать и выживать, которое все больше будет снимать противоречие между образованной и необразованной частью общества.

Я не сторонник элитарного подхода к образованию. Я сторонник демократического подхода к образованию. То есть я понимаю, что в идеальном плане какая-то граница еще долго будет сохраняться, но она должна смягчаться, уменьшаться. В этом состоит одна из основных целей социальной революции в широком смысле этого слова. Необходимо снять противоположность между образованными и необразованными.

История идет к тому, что в конечном счете образование станет действительно основным способом включения человека в общество. Не через наследуемые богатства, не через наемный труд, не через какие-то физические усилия на земле или еще где-то, а только через образование человек будет входить в современное общество. Уже сегодня становится ясно, что образование выдвигается на одно из первых мест в качестве источника дохода. Мы все кричим о мелком, среднем предпринимательстве. Это все замечательно, но большую часть современного развитого общества занимают не предприниматели, даже не частные собственники, а люди, живущие за счет полученного образования — того культурного капитала, который они получили в ходе этого образования. На этом построена вся теория нового среднего класса. Это не просто мелкие лавочки или владельцы каких-то предприятий, это люди, которые живут за счет того образования, которое они получили и имеют. Это очень важно понимать.

Тогда становится важным и другое. Мы сегодня идем к сословному образованию. Мы идем назад. Мы превращаем образование в привилегию богатых и людей власти. Вот это и говорит о том, куда мы идем. В точном смысле слова вот что происходит: сегодня право на образование становится более важным, чем право на собственность. Это видно по всем социал-демократическим движениям современного Запада. Если еще в XIX — первой половине XX века людей разделяло отношение к собственности (поэтому мы придавали такое значение классовому делению), то в современном развитом

обществе именно право на образование становится главным правом.

В этом смысле ликвидировать или решить противоречие в образовании — это значит действительно произвести революцию. В элементарной форме указанная проблема была решена советской властью. Надо ей за это памятник ставить. Она сняла проблему неграмотности. Сегодня, если говорить о какой-то перспективе, надо снять такое противоречие не только в рамках начального и даже среднего образования, но и в конечном счете высшего. Японцы уже так ставят эту проблему: каждый человек имеет право на высшее образование. Это для нас еще очень далекий идеал, но важно понять, что сюда должны быть направлены усилия.

Что такое высшее образование? Мы всегда высшее образование понимаем элитарно. Мы говорим: высшее образование — это для людей творческого труда. Конечно, необходимо освободить все, что в человеке заключено. Оно должно дать ему возможность выявить творческие и прочие потенции. Но считать право на высшее образование только правом интеллектуально одаренных людей — это, мне кажется, ошибка. Как нельзя обделить правом на культуру любого нормального современного человека. Хорошо, конечно, когда высшее образование естественным образом станет достоянием многих и повысится интеллектуальный и творческий потенциал общества. Но право на образование должно быть приравнено к высшим — к праву на жилище, к праву на труд, к праву на выбор профессии и т. д., к нормальным гражданским правам человека. Нельзя ни в коем случае сюда привносить элемент какой-то привилегированности, элитности, избранности и прочее.

Что значит — уравнивать людей в высшем образовании? Беда системы современного образования в том, что она пришла с Запада. К сожалению, она применяется в той же Высшей школе экономики.

Высшее образование — это не просто отношение человека к знанию. У нас очень засистематизировано понятие высшего обра-

зования. Мы все время рассматриваем высшее образование только по отношению к науке. Наука — это только часть культуры, а не вся культура. Классическое высшее образование, университетское образование подразумевает включение трех составляющих: человек должен был получить философское, теологическое и научное образование. Это соответствовало трем великим эпохам европейской истории. Философия считалась основной формой знания в античности. Теология, богословие — в средние века. Наука — в Новое время. Вы хотите стать культурным человеком? Вы хотите стать европейски образованным человеком (я говорю для западных университетов) — значит, вы должны быть в равной степени включены в эти три традиции, идущие от античности с ее философией, через средние века с их христианскими традициями и до Нового времени с его наукой. Поэтому обязательно предполагалось, что человек имеет право на университетский диплом, если он совмещает в себе эти три образования: философское, богословское и научное, хотя не обязательно он должен быть священником или философом.

Становится ясно, что такое высшее образование. Высшее образование не просто получение специальности и не просто получение профессии. И университет это не просто универмаг профессий. Взяли собрали несколько факультетов и назвали это университетом. (Как у нас это понимают: если больше факультетов, чем один, то это уже университет.) Университеты готовили всегда не просто специалистов, что очень важно, а духовную, культурную элиту общества. И вы не попадете на Западе ни в какую политическую, культурную или в педагогическую элиту, если вы не имеете университетского диплома об образовании. То есть очень важно понять, что образование включает в себя две составляющие. С одной стороны — знание. С другой стороны — самосознание. Здесь это слово упоминали. Я не только должен что-то о чем-то знать, но я должен себя с чем-то идентифицировать, с чем-то отожд-

ествлять. Я сегодня встречаю среди студентов, выпускников людей, которые мне могут рассказать о китайцах, об индейцах. О чем угодно они могут говорить, но при этом не знают, кто они сами. Кого они представляют, какую культуру, с какой системой ценностей они себя отождествляют, где они сами находятся в истории. Об этом они точно не знают, хотя напичканы знаниями.

А. А. Зиновьев:

У меня одно маленькое замечание по поводу того, о чем говорил Вадим Михайлович. Я в Германии наблюдал ситуацию, близкую к тому, чтобы люди имели право на высшее образование. 40% людей с высшим образованием, их называли академиками, получали высшее образование и оставались безработными. Самая высокая безработица до сих пор. 40% находили работу не по профессии, занимались такими делами, где разница в образовании не играла никакой роли. И только 10–15% получали работу согласно профессиональному образованию.

Значит, право на высшее образование — это вещь довольно банальная. По-моему, такое право имеется и имелось у нас, имеется везде. Каждый имеет право на высшее образование. Другое дело, имеет ли возможность. А это не право. Это другое. Это уже социальное отношение.

В Англии, где существует то же самое право на высшее образование, по опросу (а я сам принимал участие в таких исследованиях, мы занимались проблемой вертикальной динамики), выяснилось, что в 90% случаев вертикальная динамика зависела от слоя, из которого происходили люди, а не от образования. И только у 10% опрошенных вертикальная динамика зависела от того образования, которое они получали.

На научной конференции «Высшее образование для XXI века» (22–24 апреля 2004 г.) выступления В. М. Межуева и А. А. Зиновьева следовали одно за другим. Возникший диалог был с большим интересом воспринят

залом и затем не раз становился предметом внимания журналистов. Вот этот фрагмент стенограммы конференции.

И. М. Ильинский:

Предоставляю слово Вадиму Михайловичу Межуеву, главному научному сотруднику Института философии Российской академии наук, доктору философских наук, профессору нашего университета.

В. М. Межуев:

Тема моего выступления — культура и образование, точнее, образование и культура. Я, конечно, хорошо понимаю, что эта тема не исчерпывает всех проблем современного образования. Это проблема довольно многоаспектная. Об образовании можно говорить в самых разных соотношениях: образование и государство, образование и общество, образование и экономика, образование и рынок, образование и политика — кстати, очень важная тема.

Но мне почему-то представляется, что проблема соотношения «образование и культура» — ключевая. Я напомним, что в течение довольно длительного времени и у нас в России, и за рубежом министерство образования и министерство культуры было одним и тем же министерством. Что-то вроде нашего Наркомпроса.

Надо сказать, что впервые эти два министерства разделились где-то в 60-х годах. Первое министерство культуры появилось во Франции. За этим стояли, конечно, очень важные события в сфере культуры. До этого времени считалось, что быть образованным и культурным человеком — это синонимы. Школа в самом широком смысле слова — высшая и средняя, любая — считалась институтом культуры. Почему это произошло — это надо рассказывать, но я могу просто напомнить, что еще в XIX веке немецкое слово «bildung», т. е. «образование» в буквальном смысле слова, переводилось на русский язык (это по переводам видно) одновременно как образование и как культура. То есть это были синонимы.

Сегодня ситуация несколько изменилась. И об этом хотелось бы прежде всего поговорить. Надо сказать, что и сама тема образования и культуры тоже неоднозначна, потому что образование в культуре связано, конечно, и с наукой, но есть и моральные, и нравственные аспекты образования, есть и эстетические аспекты образования. Наконец, существует очень важная проблема образования и религии. Вы знаете, как остро у нас сейчас стоит этот вопрос: как соотносится образование религиозное и светское. Совершенно очевидно, что проблема культуры и образования позволяет ответить на какие-то центральные, существенные проблемы современного образования.

У меня ведь не доклад, я буду говорить о том, что меня беспокоит. Я вам скажу сразу, что меня пугает даже в том, что я сейчас прослушал, в направлении той образовательной реформы, которая сейчас идет. Как культуролога. Две вещи меня беспокоят.

Вы заметьте, что первое, о чем все время говорят, — это о связке экономики и образования. Образование для экономики. Образование нужно для того, чтобы экономика развивалась и процветала. Экономика — самоцель, образование — средство. К сожалению, это действительно такое поветрие не только у нас. Оно придает образованию — вы увидите, как оно на практике получается, — характер некоторой излишней прагматизации. Я до сих пор слышу речи — недавно мне приходилось выступать и дискутировать в Высшей школе экономики — о том, что вообще-то сегодня образование платное, и человек не хочет платить сверх того, что ему потом не потребуется, чтобы вернуть эти деньги. Поэтому из образования надо изымать все элементы гуманитарного, философского, какого угодно знания, которое в конечном счете ему не будет работать на отдачу.

То есть идет какая-то очень жесткая прагматизация образования. Это и есть следствие того, что мы почему-то считаем, что образование существует ради экономики, а не экономика существует ради образо-

вания, что образование — средство, а экономика, экономический расцвет — это самоцель. Это вообще очень сложный вопрос, потому что, надо сказать, я не считаю, что экономика — это смысл человеческого существования вообще. Но об этом уже немного говорил Борис Григорьевич Юдин. Что вообще вся цель человеческого общества, общественная жизнь человека заключается в этом. Я понимаю, что от экономики много зависит. Я не преуменьшаю это значение. Но мы иногда абсолютизируем значение экономики в жизни общества, в жизни человека. Это первое. Это прагматизация. Это узкое превращение образования в средство только экономического развития и сведение цели образования только к способствованию экономическому расцвету мне кажется в чем-то опасным.

Есть второе возражение. Вы заметьте, что все время говорят о соотношении экономики и науки. Конечно, наука в образовании имеет огромное значение. Я еще об этом немного скажу. Но, во-первых, я хочу напомнить, что институт образования намного более древний, чем институт науки. Образование возникло задолго до того, как наука появилась как самостоятельный институт. Такой перекося образования только в сторону научную — такое впечатление, что задача образования готовить только либо ученых, либо специалистов в какой-то технической или производственной области деятельности. Такой немножечко перекося в эту сторону создает прецедент того, что я бы назвал сайентизацией образования, излишней сайентизацией образования наряду с прагматизацией.

То есть как бы функции образования действительно сводятся либо к экономической эффективности, либо к обслуживанию интересов фундаментальной и прикладной науки. Надо понять, что в самой науке сегодня происходят довольно большие изменения. Сегодня наука уже не такая, как мы думали о ней еще недавно. Односторонняя ориентация только на научную подготовку, мне кажется, существенно обедняет смысл и цели

такого очень важного социального института, как образование.

Образование возникло — я очень коротко об этом скажу — и вообще вошло в жизнь человека (эти факты просто надо напомнить) в связи с возникновением письменной культуры. Когда появилась письменность (а до этого люди общались на устном языке, как вы знаете, до происхождения письменности), когда впервые возникла письменная культура, когда возник язык письменный, алфавитный, какой хотите, перед человеком встала новая задача.

Когда мы живем в культуре (можно ее называть народной, можно ее назвать этнической), которая в основном транслируется от поколения к поколению через устный язык, — для этого ведь не нужно образование. Когда живет народ в традициях устной культуры, для передачи культурных ценностей, для трансляции каких-то культурных образцов не требуется какой-то специальной подготовки. Это все происходит на уровне естественных способностей человека: его естественной памяти, его органической пластики (не надо здесь никакие хореографические училища кончать), его природного музыкального слуха. Как транслируется народная культура — для этого никто не кончат никаких школ.

А вот когда возникает письменная культура (а почему она возникает — это тоже большой вопрос), то, чтобы войти в традицию письменной культуры, для этого, как минимум, нужно уметь читать и писать. А это требует уже индивидуальных усилий от человека, это требует уже специальной подготовки. С этого момента школа, образование («школа» я употребляю в широком смысле слова) становится главным институтом передачи, трансляции, распространения культурного наследия. В письменную культуру можно войти только через книгу, только через текст.

Здесь, действительно, с этого момента все то, что способствует сохранению, передаче этого культурного наследия в форме текстов, и создает предпосылки для возникнове-

ния института образования. Не только, конечно, школа. Здесь появляются библиотеки, музеи — все то, что хранит и способствует сохранению. Книжная культура. С этого момента в обществе — важно понять масштаб этой проблемы — возникает, может быть, одно из самых острых противоречий. Это одно из самых острых противоречий в России. Я сейчас скажу, как выразалось это противоречие.

Мы все время говорим о классовых противоречиях, о сословных противоречиях, но, может быть, самым главным противоречием всех предшествующих обществ было противоречие между грамотными и безграмотными. Уверяю вас, что все классовые противоречия кристаллизуются в этом противоречии. Правом на политику, правом на власть, правом на престижные профессии, правом на социальные карьеры обладают только люди, прошедшие школу, получившие образование. Только так можно было войти в общественную жизнь. Люди, которые это не могли позволить себе по тем или иным обстоятельствам, оказывались на обочине истории.

В русской истории это противоречие хорошо известно: между грамотными и безграмотными. Это противоречие между народом и интеллигенцией. Кто знает, что это такое, кто хорошо знает русскую историю, тот хорошо это понимает. Вот что такое это противоречие.

Долгое время у нас интеллигенция в обществе существовала как особая нация, как особый народ, отличный от народа. То она пыталась народ до себя поднять, то опуститься до народа. Но самое главное было, как заполнить эту пропасть между людьми, которые живут в традициях устной культуры и в традициях письменной культуры.

Когда мы говорим сегодня о реформе образования (это очень важно понять, мне кажется), я думаю, надо прежде всего не похоронить самое главное завоевание советской образовательной системы. Можете как угодно относиться к этой эпохе, но было одно, что, я боюсь, мы сегодня можем похоро-

нить. В советское время был преодолен сословный характер образования. То есть характер образования как некоторой привилегированной области существования. И может быть, это наше самое главное достижение XX столетия, самое главное, что было сделано, что все слои, все классы, все социальные группы нашего общества получили равный доступ к образованию на всех его уровнях. Мы можем как угодно обзывать советский строй, но в области образования это был самый демократический строй. Там была тоталитарная власть, там была идеологическая цензура — я все понимаю. Но с точки зрения социальной... Вы знаете, что Англия была образованной страной уже в XIV веке. В течение века у нас удалось ликвидировать эту пропасть, это противоречие между образованными и необразованными, прошедшими школу образования и нет. А за этим, может быть, все русские проблемы стоят. Я вас уверяю, что это не менее острая проблема, чем проблема власти и народа. Проблема народа и интеллигенции в России была не менее острой, чем проблема народа и власти.

Это факт, что за сто лет мы решили эту проблему. В какой-то степени сделали народ грамотным. Мы не всем дали высшее образование, но мы сделали народ грамотным. Это достижение становится понятным, если учесть всю остроту и сложность проблемы. Я боюсь, честно говоря, что мы сегодня идем назад в этом плане, что мы можем похоронить вот это главное наше завоевание XX столетия, которое многое объясняет: и наши успехи в науке, и наши успехи в космосе, и прочие наши успехи. Вот здесь был решен вопрос: образование перестало быть сословным. Оно стало общенародным.

Право народа на культуру, на образование, уверяю вас, не менее демократичное, чем право народа на власть. Мы как-то об этом забываем. Мы все говорим о демократии, о праве народа на власть, но почему-то культуру и образование перестаем делать достоянием, привилегией всех. Это меня беспокоит: что мы можем отдать. Извините меня, но мне иногда кажется, что мы идем

в какое-то новое средневековье со всеми модернизационными реформами и инновациями в области образования.

Но не только в этом дело, конечно. Важно понять, для чего вообще человеку нужно образование. Конечно, все мы понимаем — об этом здесь многие говорили. Но, мне кажется, что это все-таки взгляд на образование человека, прагматически очень ориентированного. Надо сделать карьеру, надо добиваться каких-то социальных позиций в обществе. Без образования сегодня, действительно, никуда не уедешь. Наиболее престижные профессии сегодня, конечно, доступны только образованным людям.

Это все верно. Но давайте точно скажем, каким мы хотим сегодня видеть человека в обществе? Нам что, важен только работник эффективный? Только человек, который очень хорошо выполняет свои какие-то производственные, экономические функции? Мы к такому обществу идем? К обществу, где все на своих местах так жестко поставлены, каждый знает свое место, у каждого, конечно, есть в руках специальность? И задача образования существует только для того, чтобы дать человеку эту специальность, чтобы он на своем месте хорошо выполнял эту роль? Хорошо. Допустим так. Надо сказать, такой прагматизм в западном образовании сегодня очень сильно чувствуется. Я не думаю, что мы должны во всем копировать этот опыт.

А скажите, человек в обществе — он только работник? А откуда берется его гражданственность? Мы все хотим гражданское общество построить, насколько я понимаю. Откуда граждане берутся? С неба падают? Откуда берутся люди грамотные не только в своей профессии, но, скажем, хотя бы политически грамотные? Мы никак не можем понять, что гражданское общество вышло из школы, из образования, из людей просвещенных, которые понимают свои права в этом мире и понимают свои функции не только производственные, не только технические. Это первое. Это еще не все.

Человек живет в обществе, а значит, живет с другими людьми. Он с ними должен об-

щаться, он с ними должен вступать в какое-то общение. Он должен быть кем-то в этом обществе. Я должен сказать, что человек сегодня благодаря письменной традиции общается не только с теми, с кем он живет в данный момент, с современниками. Он еще должен уметь общаться со своими предками. Письменность расширяет границы общения. Она позволяет общаться с нашими предками и с нашими потомками. Благодаря письменности мы умеем разговаривать с теми, кто жил до нас. Через письмо, через текст. И с теми, кто будет жить после нас, оставляя им свои какие-то послания.

То есть человек становится способным жить не только в обществе. Он становится способным жить в истории. Спрашивается, откуда берется эта способность? И в этом значение культуры. Теперь я уже скажу, что такое культура и как мы ее понимаем. Если хотите, культура — это общение человека не только в масштабе пространства, в котором он живет, — социальном, но и в масштабе всего исторического времени, в котором он живет. Если общество оборвет эти связи, если оно оборвет наши связи с прошлым и в какой-то степени с будущим, то, уверяю вас, оно застынет, оно перестанет развиваться, оно перестанет быть способным к исторической жизни. Вот что дает культура.

И для этого существует образование. Образование существует, прежде всего, для того, чтобы научить человека жить в обществе как гражданина и в истории как сознательного и активного, если хотите, субъекта, для которого история не где-то за спиной совершается, а который сам живет в истории и участвует в ней. Если к этому обществу не придет, то, уверяю вас, — могу слова А. А. Зиновьева повторить — оно действительно превратится в «человейник». Вот к чему может привести образование сугубо сайентистское, сугубо прагматическое.

Надо сказать, что и отношения с наукой не так просты в образовании. Наши ученые не всегда понимают, что произошло сегодня в современной науке. Я вам просто скажу: я вспоминаю себя, человека, который закон-

чил ремесленное училище, работал на производстве и пошел на философский факультет в МГУ. Мой стимул — это не лично мой стимул, это был стимул всего моего поколения. Зачем мы шли учиться? Честно говоря, никто не мечтал (но, может быть, мечтали, такие они и остались, может, кто-то мечтал) о карьере. Может, кто-то мечтал с помощью диплома хорошо устроиться, зарабатывать много денег — честно говоря, у нас не было в голове таких мыслей. Я могу сказать, почему я выбрал философский факультет после ремесленного училища. Я увлекался философией еще в школе рабочей молодежи, но — что меня влекло? Я сегодня среди молодежи все меньше и меньше таких людей встречаю. Они больше думают о том, что им даст образование в смысле личного устройства. А мы шли туда за истиной. Нас интересовала истина. Где бы найти такое место, чтобы мне образование сказала, как мир устроен, кто я в этом мире, куда этот мир движется.

Надо сказать, что и наука тогда понималась как путь к истине. А сейчас наука, к сожалению, в большинстве своем понимается несколько иначе. Сейчас наука понимается как техническое средство достижения любой цели, которую ей поставит власть, как технология. Сегодня наука, действительно, впала в полную зависимость от техники. Это важно. Никто не говорит, в этом действительно практический эффект науки. Но наука — это чуть-чуть больше, чем обслуживание технических потребностей. Наука есть ответ на потребность человека знать о мире, как он устроен, куда он движется, зачем я здесь живу. Наука всегда была стремлением к истине, а сегодня она технизируется. Недаром на место идеологов технологий приходят политтехнологи. Но это большая философская тема.

К сожалению, наше образование очень часто ориентируется на этот тип науки — науки прикладной, которая дает непосредственный технический эффект, а не та, не которая ведет человека к истине. Это первое, что я хочу сказать. Но это еще не самое главное.

Образование, с моей точки зрения, всегда служило целью. Конечно, задача образования — дать человеку специальность. Кто будет с этим спорить? Дать профессию. Надо понять, что другая цель образования — вот что утрачивается. Даже на примере университета. Сейчас университет превратился в универмаг профессий, универмаг специальностей. Приди и выбери специальность. Но ведь не в этом суть университетского образования всегда была.

Если понимать университет не просто как профессиональный и не только как экономический институт, а как культурный институт. Университет — европейский институт. Суть образования — ввести человека в европейскую культуру, подготовить человека, сделать его, если хотите, культурной элитой общества. И в какой-то степени это порой на Западе чувствуется. На Западе первое, что спрашивают у человека: скажи, какой ты университет окончил. Потому что все-таки считается, что университетское образование — это не просто я специальность приобрел, диплом по специальности, а я вошел в культурную элиту общества.

Для того чтобы человек вошел в культуру, не в специальность, не в какую-то дисциплину научную, а в культуру, он должен был сочетать в себе три образования. Любой человек — и, на мой взгляд, это правильно, — получающий университетское образование, должен сочетать в себе три образования: это образование научное; конечно, это образование философское; это образование теологическое. Отсюда два знаменитых факультета: философский и теологический. Я сейчас скажу почему.

Философия ведет нас к чему? Философия имеет своими корнями античную традицию. Философия когда-то была первым знанием в античности. Теология, богословие имеет своим истоком средневековье. А наука — это новое время. Для того чтобы быть культурным человеком хотя бы в европейском смысле этого слова, я должен быть равно осведомлен в античной эпохе, потому что история складывается из этих трех эпох:

античность, средневековье и наше время. Если мы хотим быть равными этой эпохе, то мы должны быть в равной степени и философами, и теологами, и учеными. Это не значит, что каждый в одном лице должен быть философом, теологом или ученым. Нет. Но в каждом образовании эти три элемента должны сочетаться.

У нас в России к этому прибавляется еще и четвертый вид. Извините меня, но это ужасно, когда люди кончают русский университет и не знают, что такое Россия, не знают, что такое русская культура. Когда они не осведомлены ни в русской истории, ни в русской литературе или искусстве. Я не понимаю такого образования. Этот человек специалист, но он не образованный человек, а потому некультурный.

Что сейчас происходит? И это опять же идет от некоего пиетета перед наукой в том смысле, о каком я сказал. Сокращается время на гуманитарные науки. Философия считается ненужной, освобождается от экзаменов, сокращается время. А зачем? Если только экономика, если только надо подготовить какого-то узкого прикладника — зачем все это нужно? Это все лишнее. Вот здесь мы убиваем образование.

Я хотел подчеркнуть эти два аспекта, которые меня волнуют. Я думаю, что Россия решила бы много своих проблем: и экономических, и политических. Много этих проблем пока. Если бы она решила две проблемы — мне кажется, что здесь корень, — если бы она не позволила ни при каких обстоятельствах никаким реформаторам превратить наше образование опять в сословное, т. е. не по принципу происхождения уже, а по принципу у кого есть возможность платить. По принципу богатства — это ведь тоже сословное деление. Это первое. То есть она бы сохранила демократический характер советской школы.

И, во-вторых, если бы она сохранила (это тоже в какой-то степени у нас было, хотя есть много претензий) характер образования в России как образования прежде всего культурного, а не узкопрофессионального.

Когда из школы выходит не просто специалист, а человек, способный жить в обществе, в истории, в культуре. Эти две вещи, два параметра для меня кажутся очень важными.

Очень важно понять, что результат образования, продукт образования всегда штучный. Да, образование может быть массовым. Оно может охватывать все слои народа. В школу может поступать массовый контингент, а выход из школы — штучный. Никаких общих стандартов здесь не существует. Все эти экзамены общие тем мне не нравятся, что они экзаменуют человека на память, на знания, но не экзаменуют его на способности. А способности у людей разные. И мы не всегда умеем их угадывать. Я никак не могу понять, как можно проверить тестами личную одаренность человека. У меня было когда-то такое наблюдение. Не все круглые отличники выходят в выдающиеся люди, совсем необязательно. Бывает так, что человек, проявляющий способности в области математического знания, не очень хорошо учится в области истории, и наоборот. Образование готовит индивидуальности. Оно должно четко уловить, чем один человек отличается от другого, и дать ему правильное направление.

Я не знаю, как в наших методиках и в наших программах, которые сегодня разрабатываются сайентистами, учитывается неповторимость и уникальность каждой человеческой личности. Я не понимаю. А это дело преподавателя.

Последнее, что я скажу. Что есть сегодня, на мой взгляд, преподаватель высшей школы. Можно его заменить компьютером. Записать лекции, технизировать. У нас, к сожалению, к этому идет. Но важно понять, что никакая техника, самая современная передача информации не замещает живого лица в аудитории. Люди учатся не у компьютера. И культура передается, транслируется не из компьютера, а от одного человека к другому. Проблема личного взаимоотношения, личной взаимосвязи, фигура преподавателя, его эстетический, интеллектуальный опыт важнее всех компьютеров мира. Как этого не понимать?

Эти вещи, мне кажется, тоже надо учитывать, когда мы говорим о реформе высшего образования.

Извините, если несколько сбивчиво.

И. М. Ильинский:

Спасибо большое, Вадим Михайлович. Я слово предоставляю Александру Александровичу Зиновьеву. Я надеюсь, что большинство людей знают этого человека. Это работник нашего Университета, но он принадлежит России, как говорится, и всему миру. Это всем известный мыслитель, философ.

А. А. Зиновьев:

То, что я собирался говорить, я послушал и вижу, что не стоит. Хочу сказать о другом.

С Вадимом Михайловичем Межуевым мы знакомы лет 50. Я понимаю его эмоции, пожелания. У меня у самого сохранились кусочки каких-то эмоций и даже иногда желания мелькают.

Но, обдумывая все то, что было, что есть, что, на мой взгляд, будет происходить, я все-таки, к моему великому сожалению, должен сказать: Вадим Михайлович, не сохранить России то, что было, что было приобретено. Не сохранить не потому, что (хотя это тоже играет роль) люди какие-то захватили власть, влияние. Дело тут гораздо глубже, серьезнее. Гораздо серьезнее. Дело в том, что человечество в целом вступило в новую эпоху. Эпоху очень глубокую. Я думаю, в XX веке, к концу XX века произошел такой эволюционный перелом, равного которому в истории человечества не было. Может быть, можно сравнить с тем переломом, какой имел место, когда человечеством нашим современным пониманием, как совокупность разумных существ, вообще возникало. И остановить этот процесс уже невозможно. Думаю, что в этом — крах советской системы (а я человек советский), крах русского советского коммунизма, хотя я психологически был и остаюсь, так сказать, человеком коммунистического общества.

Крах объясняется многими конкретными причинами, сцеплением конкретных обстоя-

тельств. Но в основе лежит все тот же великий эволюционный перелом, о котором я упомянул. Россия обречена. Я эту обреченность не рассматриваю так, как присудили к гибели. Нет. Тут обреченность очень глубокая, и обречена не только Россия. Думаю, что обречены и многие другие народы, включая такие народы, как западноевропейские.

Извините, я буду говорить не системно, поскольку для этого требуется не 20 минут, а, по крайней мере, десяток многочасовых лекций.

Начну с таких фактов. Я учился в советской школе. Учился в советском вузе. В лучшей школе истории человечества. Я весь мир объездил: Япония, Китай, страны Африки, Европа, Америка. Изучил досконально. Такой школы в истории никогда не было и, по всей вероятности, не будет. Высшее образование я получал. Сравнивал. Я очень скептически относился к советскому образованию, очень даже критически. Все то, что я потом много-много раз писал, — это было издевательство над тем, что было. Я от этого не отказываюсь. Но если бы сейчас снова начинать жизнь, я бы из того, что написал, не стал бы писать ни строчки. Просто в силу того обстоятельства, что пришлось сравнить. Все то, что мне потом приходилось видеть, все было неизмеримо хуже.

Наш философский факультет был достоин насмешки. Я все время, когда работал, рисовал карикатуры, сочинял анекдоты и т. д. Но я посмотрел эти философские школы, кафедры и т. д. на всей планете. Такое дерьмо вообразить невозможно было! В конце концов, я пришел к такому выводу, что если определять, что такое философия, то я определил бы так, что это история неспособности решить банальные проблемы. История словоблудия, превращенного в целую культуру. Это я так говорю. И вместе с тем я уже в конце 30-х годов стал антисталинистом, критиком советского режима. Был арестован. Сидел на Лубянке и т. д. Всю жизнь я болел коммунизмом. Я пошел на философский факультет, хотя имел возможность поступать на мехмат как участник математиче-

ских олимпиад и все такое прочее. Мог без экзаменов поступать. Именно в поисках истины. Искал я эту истину. Думаю, что я много в этом отношении сделал.

Но все мои попытки высказать эту истину в условиях великолепной советской школы и прекрасного советского высшего образования кончались весьма плачевно. Напомню вам. Незадолго до смерти Андропов сказал: прожили столько десятков лет в советской системе и так ее и не поняли. Не поняли. А сколько людей жило, сколько занимались. Вечерний университет марксизма-ленинизма. Старики должны это помнить. Училось 27 млн. человек. А что осталось? Ничего. Ну хотя бы крупицу истины принесли. Никто и ничего. А сколько было написано о советском обществе! Этот зал загрузить можно этой макулатурой, но ни крупицы истины.

Я вспоминаю, за 10 лет до Горбачева я сделал попытку построить математическую модель советского общества и доказал в этой модели неизбежность кризиса. И я описал тип кризиса, который должен произойти. В Советском Союзе советское общество считалось бескризисным. В западном мире советская система тоже считалась бескризисной. Чем эта попытка кончилась? Закрытые обсуждения были. Мои друзья, коллеги писали закрытые рецензии. В один голос оценили: клевета на советское общество. У меня тогда забрали все рукописи, предупредили, чтобы я прекратил этим заниматься. О какой тут истине могла идти речь?!

Еще в студенческие годы я вообще занимался социологическими исследованиями на уровне шуток, поскольку публиковать было невозможно. Я помню, разработал метод измерения интеллектуального потенциала советских чиновников. Особенно партийного, включая профессоров и прочее. У меня были друзья, которые заинтересовались этим, принимали участие. И вот я дошел до уровня секретарей райкомов. Установил, что интеллектуальный уровень, не считая секретаря райкома, ниже интеллектуального уровня средней домохозяйки. Конечно, об этом донесли. Опять был вызов

на Лубянку. Запрет заниматься такого рода деятельностью.

А между тем я смотрю сейчас назад, исследование-то было правильное. Правильное с точки зрения соответствия всем критериям научного подхода к реальности. Коль так, разрушили советскую систему, сколько лет прошло. В постсоветской России, которая стремится сейчас истребить следы советского периода, проявили хотя бы минимальный интерес к результатам исследований Зиновьева и как-то их продолжили?

Единственное место, где я читаю лекции один раз в две недели, — это наш университет. Ну что можно сделать? Тут очень хорошие студенты, но которые профессионально этим не занимаются. Какие-то общие вещи можно рассказать. Фактически разрабатывать (я не случайно вам об этом говорю, это как раз по теме моего выступления, без этого всерьез говорить о каком-то прогрессе и даже в системе образования просто невысказано), фактически этим заниматься невозможно.

А на Западе ситуация, думаете, лучше? Ничего подобного. Пока я писал ругательные книжки о советском обществе — все книги проходили как бестселлеры. Там лучшие университеты мира приглашали — читай лекции. Но стоило начать исследовать теми же методами само западное общество, так немедленно все это прекратилось. Случайно проскочила одна моя книга «Западнизм». Случайно проскочила. Опять пошли рецензии. Там закрытое рецензирование тоже существует. В один голос, причем люди, которые на ухо мне шептали комплименты: клевета на западное общество. В результате книгу изъяли из продажи. А «Глобальный человек» — где дается описание современного западного мира? Более десяти издательств, переводов было сделано. Я все авансы проел, понимаете, и до сих пор она не издана и не будет издана, потому что это считается клеветой на западное общество.

И фактически ситуация такая, что научного понимания — так, как это должно быть, — что из себя представляет современ-

ный западный мир и что происходит, не существует в природе. Я просто берусь показать, что все, что написано, не отвечает самым элементарным критериям. Ни одно понятие не определено. Ни одно. Почти 200 определений демократии, более 300 определений капитализма, число определенных коммунизма и счесть невозможно.

Я проводил со своими сотрудниками, студентами социологические исследования. Например, в одном уважаемом университете в США (там было человек 500, это были профессора, люди с именами) не было двух ответов одинаковых на те вопросы, которые там задавались. Хотя бы по пониманию того, что такое демократия, что такое культура. Были и вопросы по образованию. И только один из них, когда я познакомился в результате исследования (кстати, их тоже не допустили до печатания), сказал, что есть только один случай, когда два человека могут одинаково ответить на вопросы, — когда один экзаменатор, а другой экзаменуемый. Если экзаменуемый скажет что-то такое, с чем не согласится экзаменатор, то он получит плохую оценку. А потом они расходятся. Экзаменуемый выходит и говорит: я спихнул эту дребедень. А экзаменатор выходит и говорит: наконец-то, чему мы только людей учим, они несут ахинею. Хотя и тот и другой в одинаковой степени несли ахинею.

Тот перелом, о котором я упомянул, объяснить вам в кратком выступлении невозможно. Я назову только некоторые признаки. Человечество стало переходить со стадии уровня общественного на стадию сверхобществ, исторический процесс стал планируемым и управляемым и т. д. Виртуальный аспект бытия стал доминировать над аспектом фундаментальным. Этот перелом охватил интеллектуальную сферу человечества. Охватил полностью. Что-то происходит. Дело не просто так обстоит, что какие-то достижения прошлого разрушаются, хотя это происходит. В результате мы имеем такую картину образования с молодыми людьми, которых критикуют все, кому только не лень, создается даже такое впечатле-

ние, что молодежь становится глупее, чем та, что была раньше. Что-то в культуре утрачивается. Я проводил свои партизанские измерения на этот счет. Могу сказать вам с полной ответственностью за свои слова: не становятся люди глупее. Меняется тип интеллекта. Я рассматриваю интеллект с точки зрения логического аппарата, логических операций, могу сказать, что, наоборот, имеет место прогресс. Поясню свою мысль. Таким примером, который вызовет у некоторых негативные эмоции.

Возьмем великую литературу прошлого. Достоевский, Толстой, романы других великих писателей. Сейчас, когда начинают критиковать нынешнее состояние, то говорят: вот, молодежь пошла такая, что все это не читают, вроде бы в каком-то отношении и деградируют. С точки зрения логического уровня интеллекта даже средний современный детектив, который прочитывается за час-два, выше по уровню интеллектуальному, чем сочинения Достоевского (это та информация, те тексты, которые приходилось читать моему поколению). С чисто логической точки зрения проанализировал, например, «Войну и мир». Потратил на это много времени. Что это значит? Я подсчитывал, какие логические средства использованы, каков процент, логически оцениваю размеры текста и т. д. Могу сказать только одно: это очень примитивный в логическом отношении текст. Пусть он гениальный с какой-то точки зрения, но с логической точки зрения он примитивный. Десятки, сотни страниц — пустяковые с логической точки зрения проблемы. А почему? Как это происходит? Столько людей — и ни с того ни с сего пошли убивать друг друга. Это неразумно и т. д. Это для морализации, может быть, и не плохо, но с логической точки зрения — это примитивно. Я молодых людей нынешних понимаю. Вот «Братья Карамазовы» я в свое время прочитал с величайшим трудом, и то тогда, когда снимал комнату. За шкафом книга завалилась, эта книга «Братья Карамазовы», а другой книжки не было. Пока там жил, я читал. Сейчас читать ее я не

стал бы. А если взять такие сочинения, как Томас Манн. Ведь это от скуки подохнешь. Или «Сага о Форсайтах». Я сейчас пытаюсь очистить квартиру. Я с женой буквально веду сражение. Лежат вот такие собрания сочинений, занимают место, а выбросить мне не дают.

Не думайте, что я одобряю все, что происходит. Хочу только сказать, что на самом деле происходит очень глубокий исторический процесс. Надо в нем разобраться. Вот в чем дело. Я вижу в истории человечества две великие интеллектуальные революции. Одна уже произошла, а другая сейчас назревает. Думаю, что эта интеллектуальная революция произойдет в XXI веке. То, что называю логическим интеллектом, т. е. интеллект, оперирующий логическими операциями, — это явление совсем не древнее. Оно возникло совсем недавно. Я не историк. Я знаю только, что история сфальсифицирована. Но, по всей вероятности, началом этой интеллектуальной революции была эпоха Ренессанса. Я как логик, изучавший природу законов, откуда берутся эти законы, могу сказать, что до Аристотеля вообще не было логических законов. Только на определенном уровне эволюции языка возникли предпосылки для изобретения, для открытия логических законов. Это недавно произошло. Я еще в студенческие годы высказал, задолго до появления работ Фоменко (Фоменко, по-моему, тогда еще в детский сад ходил), идею, что Аристотель жил не раньше, чем XIV–XV век, что раньше это открытие сделать было невозможно. Возникла эпоха грандиозной интеллектуальной революции, это возникновение логического интеллекта, возникновение светского, гражданского, религиозного образования, т. е. школы, университеты, в которые стали проникать качества логического интеллекта. Возникновение гражданской светской идеологии. Я включаю с этой точки зрения всю философию того периода, рассматриваю как идеологию. Весь Руссо, Бэкон и т. д. И на этой основе произошел грандиозный рывок человечества. Возникла наука, техника и в соци-

альном отношении все революции тех времен, возникновение демократических обществ. Все возникало. Я не буду детализировать. Перехожу ко второй половине XX века. К концу XX века.

К этому времени произошли колоссальные перемены в человечестве. Перемены именно в интеллектуальном аспекте. Грандиозные научные открытия, технические изобретения. Перемена в образе жизни людей. Сама жизнь изменилась. (Я имею в виду, конечно, западноевропейскую цивилизацию, включая сюда и США, я и Россию отношу к западноевропейской цивилизации в этом смысле.) И в самом образе жизни. Колоссальное разрастание знаковой культуры, в которой мы фактически живем. То есть фактически знаковая цивилизация возникла и достигла высочайшего уровня. Я проводил исследования, на Западе мне приходилось со своими студентами, сотрудниками, сам участвовал в таких группах. Возьмите простое явление — бытовые приборы. Если взять наши бытовые условия, то современный человек, хочет он того или нет, живет в окружении, в среде огромного количества приборов, обращение с которыми требует определенного интеллекта и интеллектуальных усилий. Даже пользоваться кофеваркой и то нужно определенное умение. А сейчас автомобили, телефоны и т. д. Если взять человека конца XX века и сравнить с началом века чисто количественно, ситуация сложной среды увеличилась раз в 10 как минимум. Современные люди живут в колоссальной знаковой культуре. Выходишь на улицу, и всюду знаки, знаки, знаки. Я ехал сюда по окружной дороге, щиты стоят, а я не понимаю уже этого. Сплошные сокращения. Это все нужно запоминать. Это все логические операции. Группа логических операций заключается в том, чтобы вводить сокращения сложных знаковых структур и уметь ими оперировать. Сейчас наши дети, молодые люди обучаются этому с необычайной быстротой. Они лучше этим оперируют. Меняется логический тип интеллекта. Происходит грандиозная перемена.

При этом одновременно, наряду с этим грандиозным прогрессом, произошел и грандиозный регресс. Так уж устроена эволюция. За каждый шаг прогресса человечеству приходится платить, расплачиваться. Всякий прогресс, совершаемый в одном отношении, сопровождается регрессом в другом отношении.

Что произошло? А произошло то, что осмысление интеллекта, которое к этому времени сложилось в теоретических всяких конструкциях, в идеологии в особенности, оказалось несоответствующим, неадекватным фактическому положению вещей. Грандиозные результаты в эволюции человеческих объединений во всех отношениях — и почти полностью отсутствует научное понимание всего этого. Советское общество было первым в истории всех обществ огромного масштаба, а понимания не было. И вряд ли оно появится. Потому что сейчас идет полная фальсификация этого. Западный мир изменился до такой степени, что тот Запад, каким его изображают в России и по образцам которого стали перестраивать Россию, в природе не существует!

Когда я жил на Западе, приезжала из Советского Союза, потом из России масса людей со своими мнениями о рынке, приватизации, понимаете, я их просил: я откажусь от всех своих клятв, ну покажите мне хотя бы одного капиталиста, как вы его представляете. Это явление исчезло давно. Реальный западный мир, реальный рынок, западный рынок, реальная демократия ничего общего не имеют с тем, как это все представляют здесь, в России. Когда начали перестраивать Россию, Советский Союз по западным образцам, то не по западным образцам это стали делать, а по воображаемым западным образцам. По тем, идеологическим, в соответствии с чем и ставшим идиотизмом идеологического образца, которые со стороны Запада специально вбивали в головы нашим отечественным реформаторам, перестройщикам, которых я не могу иначе назвать, вот у меня здесь слово «идиот» звучит слабо, — суперидиотизм. Такого идиотизма, который проявили

все эти горбачевцы с Горбачевым, ельцинцы с Ельциным, в истории невозможно привести пример, такого неадекватного поведения в отношении реальности. Образовался такой колоссальный разрыв. И беда состоит в том, что, если бы даже сейчас высшее начальство дало указание, скажем, более того, 100 млрд. долларов, — делайте что хотите, слушайте, что вам предлагает тот-то, тот-то, ничего не получится. Ничего не получится! Чтобы сейчас привести в соответствие общественный интеллект с той реальностью, в которой живут люди, потребуются, может, и многие десятилетия, если не века, это серьезная история. Никакими голосованиями или законами, которые Дума плодит сотнями (она может их тысячами производить), не поможешь, это все суета сует. Ничего тут не сделаешь.

Это очень глубокая задача. Решена она может быть только наполовину. Прежде всего, нужно разработать действительно научное понимание того, что собой представляет человеческий интеллект. Здесь марксизм-ленинизм сыграл свою роль. Но сейчас возродить его вы не сможете, и не потому, что есть противники, а потому, что он превратился в суемудрие, одну из причин краха страны. Это не наука. Чтобы решить эту задачу, эту сложнейшую задачу системы образования, нужна перестройка системы образования в таком направлении, в каком она может стать адекватной потребностям страны, и не только страны.

Сейчас наступила эпоха, когда назревает дефицит интеллекта. Дефицит интеллекта. Не только дефицит нефти, газа и т. д. Интеллекта. Для Запада, для американцев — это не проблема. Как говорится, сила есть — ума не надо. США отсасывают интеллект, если он появляется, со всего мира. Эта проблема важна для России. Помимо преобразования системы образования в соответствии с той реальностью, которая существует, требуется для этого еще один фактор, без которого общественный интеллект как интеллект общества, всего целого, не существует.

Требуется идеология. Новая идеология, которой нет. А в России — идеология, ко-

торая по интеллектуальному уровню должна превзойти те образцы, которые уже работали и сыграли свою роль. В России происходит процесс прямо противоположный. И не только в России. Одновременно с тем прогрессом, о котором я говорил, происходит грандиозный регресс. Происходит глобальное помутнение умов. Причем это помутнение умов специально организуется, поддерживается властями всех уровней и всех сортов. Посмотрите, как обстоит дело у нас в России. Вадим Михайлович Межуев прав, что мы возвращаемся в средневековье. Да, Россия отброшена в досоветское прошлое, в феодальное прошлое.

Реанимируется религия, причем это идеология, идеология примитивная, и то, что говорилось насчет того, что все это нужно изучать, это вздор. Эта примитивная идеология нам навязывается как средство оглушения людей. С такой идеологией, с такой примитивной идеологией вы страну на высокий уровень не поднимете. Вы можете проследить. Это организованное систематическое оглушение населения в средствах массовой информации, театре, кино. Остановить этот процесс практически невозможно, чтобы он остановился, для этого нужны колоссальные исторические усилия. Благодарю вас за внимание.

Русский интеллектуальный клуб, созданный в 1999 г. по инициативе выдающегося русского ученого академика Никиты Николаевича Моисеева и ректора Московского гуманитарного университета Игоря Михайловича Ильинского, проводит свои заседания в Московском гуманитарном университете, выбирая для обсуждения на своих заседаниях актуальные и трудные для анализа проблемы современной общественной жизни. Отличительная особенность этих проблем — их крупный, всемирный масштаб и первостепенная значимость для человечества. После кончины Н. Н. Моисеева Президентом Русского интеллектуального клуба стал Александр Александрович Зиновьев.

27 октября 2004 г. Русский интеллектуальный клуб провел свое очередное, 11-е заседание, тема которого — «Перспективы мирового коммунизма». Обсуждались такие вопросы, как: «Домаксистские, марксистские, постмарксистские коммунистические идеи — их существо и логика развития», «Причины кризиса и краха советского коммунизма», «Китайский коммунизм — столбовая дорога в завтра?», «Будущее коммунистической идеологии и практика». Среди основных докладчиков были и представленные в данной публикации А. А. Зиновьев («Перспективы коммунизма: идеология, практика») и В. М. Межуев («Коммунистическая идея: шанс на будущее»). В следующих номерах журнала мы представим материалы дискуссии на заседании Русского интеллектуального клуба.